

18+

Лилия Максимова

Вселенная вас услышала

Продолжение романа

Лилия Максимова

**Вселенная вас услышала.
Продолжение романа**

«Издательские решения»

Максимова Л.

Вселенная вас услышала. Продолжение романа / Л. Максимова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553976-2

Что делают врачи в опасное для человечества время? В профессиональной жизни — чудеса. Чтобы спасти людей. В личной — ошибки. Потому что врачи и сами — люди. А еще эти люди делают друг друга несчастными и счастливыми. Потому что умеют любить. Чудес ведь без любви не бывает?

ISBN 978-5-00-553976-2

© Максимова Л.
© Издательские решения

Вселенная вас услышала

Продолжение романа

Лилия Максимова

© Лилия Максимова, 2023

ISBN 978-5-0055-3976-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владивосток, 2020 год

– Аня, хорошая моя, ну потерпи еще немного! – Олег Клементьев выглядел не просто уставшим, он был вымотан до предела, и это было бы заметно даже постороннему, а не только его жене, чутко наблюдающей за состоянием супруга через экран телефона. Видеозвонки – это все, что у них сейчас было.

– Олежка, я так скучаю, – Анин голос дрогнул против воли. – Держись, родной, осталась пара дней.

Еще в конце апреля Олег, не предупредив никого из домашних, ушел в «красную зону», оправдываясь на следующий день тем, что все случилось внезапно: пришлось подменить заболевших коллег. Но в тот же вечер Аня обнаружила пропажу старой дорожной сумки, полупустую полку с его бельем и вешалки без рубашек. Значит, собирался заранее. Значит, знал, куда шел. Врачей катастрофически не хватало, хирургов – особенно. Это был выбор без выбора: Олег просто не хотел уговаривать жену, не было сил смотреть в ее умоляющие глаза.

Чертов вирус косил людей избирательно. Не успели городскую клиническую превратить в ковидный госпиталь, как половина персонала переболела, несмотря на защитные костюмы, делающие врачей похожими на космонавтов. Болели, не покидая «красную зону», не рассказывая родным: а какой смысл? Вторая половина сотрудников переболела бессимптомно. Или не болела вообще? Дурацкий термин – «бессимптомный больной»...

Прогнозировать течение инфекции поначалу вообще никто не брался: «легкие» больные внезапно попадали на искусственную вентиляцию, «тяжелые» неожиданно выздоравливали. Заведующего отделением Ерохина еле вытащили: был и ИВЛ, и противомаларийные препараты, и сменяющие друг друга антибиотики. Марь Санну, старшую медсестру, спасти не удалось. Самого Олега три дня лихорадило так, что он не понимал, где находится, а на четвертый отпустило. Просто отпустило – и все! И все... на пятые сутки – за работу. Поэтому он, вероятно, задержится в «зоне» еще на неделю. Как только жене сказать?

С другой стороны, как уйти? Каждый день – несколько операций, плюс обходы. Эта треклятая зараза жрет не только возрастных, но и молодежь, причем непонятно, по какому принципу! На вечер, например, назначена операция девочке, совсем юной, возраста его дочерей. Тромбоз глубоких вен: ждать нельзя, *совсем* нельзя. Олег устало потер глаза. Надо хоть немного отдохнуть перед операцией. Про «поспать» он уже давно не заикается, сон не идет уже несколько суток.

– Аня, нам должны сегодня нового УЗИста прислать. Проконсультируешь человека по поводу дуплексного сканирования? Флебограмму сделать не можем: у пациентки противопоказания на ввод контрастного вещества. Вася Ерохин позвонит тебе сегодня, ладно?

– Олег, доплерография – там все сложно... Давай я сама?

Слова сорвались с Аниного языка быстрее, чем она подумала: просто так хотелось хоть чем-то помочь ему...

– Нет, тебе сюда нельзя, мы это уже обсуждали, – резко перебил ее муж. – У тебя дети, думай о них!

– У нас дети, – Аня старалась говорить как можно мягче: пожалуйста, пожалуйста, не злись! – И раз ты там, то, может... Я просто приду на полдня, посмотрю тяжелых... Тебя обниму...

– *Нет, я сказал!* – рявкнул Олег, хлопнув ладонью по столу так, что Аня от неожиданности выронила телефон.

Мелькнул узор линолеума, и экран стал темным. Потом снова появилась Аня.

– Прости, Олежка, прости! – зашептала она извиняющимся тоном, как будто уронила не сотовый, а самого Олега. – Я все понимаю, я больше не попрошу... Я жду тебя, осталось-то – всего ничего.

Гнев мужчины выключился: Клементьев всегда умел справляться с эмоциями.

– Это ты меня прости, милая! У меня просто крыша едет от всего этого ада... – он понял, что сболтнул лишнего (ни к чему ей знать подробности!), и моментально перевел разговор на то, что ее волновало. – Мне тут немного задержаться придется, поэтому «всего ничего» придется отложить.

Глядя на готовое заплакать любимое лицо, он попытался улыбнуться: надо бы подбодрить, да вот только ресурсов нету!

– Неделя, не больше! Я обещаю тебе, обещаю! – затараторил он, не в силах больше выносить эту пытку. – Анечка, милая, все! Больше не могу говорить, мне пора! Девочек поцелуй за меня. Я люблю тебя. Очень.

Видеозвонок прервался, и Аня, наконец, позволила пролиться своим слезам. Что за мука приходиться каждый день на работу и понимать, что твой муж совсем рядом, но к нему нельзя! Окно ее кабинета УЗИ, расположенного в поликлиническом отделении, выходило как раз на соседний корпус больницы. Там сейчас «красная зона», там ад. Она это знала и без Олега. Ира Ерохина, жена завотделением, приносила «сводки с полей» чуть не каждый день: сколько новых пациентов привезли, сколько умерло, хватает ли персоналу защитных костюмов. Эта чертова защита ни черта не помогала! Но что еще врачи могли сделать, если делать все равно что-то нужно? Просто работать, верить в силу жизни, и... не пускать в «красную зону» своих жен.

Клементьева и Ерохина дружили давно, еще со школьных времен, когда учились в параллельных классах. Потом Ирка увязалась за Аней поступать в медицинский, потом тоже вышла замуж за врача. Олег и Василий легко поладили, особенно в тот период, когда после десятилетнего отсутствия, Клементьев вернулся в городскую клинику и начал лихорадочно наверстывать упущенное время. Аня всегда знала, что в клинике эстетической медицины муж не навсегда. Как только на заработанные деньги удалось купить собственную квартиру, Олег уволился, хотя очередь к нему на операции была на полгода вперед. Он иногда возвращался на сложные случаи, но теперь основной специализацией была сосудистая хирургия. И он ни о чем не жалел. Аня тоже. Они оба работали, и любимое дело компенсировало просевший доход.

В дверь постучали, Аня машинально вытерла слезы и надела маску на лицо. Скорее по привычке, чем веря в ее волшебство. Ирка влетела в кабинет как ракета:

– У тебя никого? – огляделась она и спустила маску с левого уха.

Аня стянула свою:

– Через двадцать минут первая запись. Пришла пораньше, хотела Олега попросить к окну выйти, но он сказал, что сил нет. По телефону поговорили.

Ирка хлопнула по плечу подругу, которая снова задумчиво уставилась на окна корпуса напротив.

– Уже знаешь, что они решили еще на неделю остаться? – Аня кивнула, и Ерохина покачала головой. – Думают, мы не догадались, что их 45 суток превратились в восемь недель потому, что оба на больничном провалялись. Еще и работали при этом! Теперь бухгалтерия не понимает, как им табель заполнять.

Ирина хорохорилась и шутила, стараясь забыть, как в течение этого самого больничного рыдала в кабинете главврача, умирая от страха за мужа. Теперь счастье переполняло ее, потому что... просто потому, что он *живой!*

Излучая оптимизм, Ерохина доверительно наклонилась к подруге:

– Мой-то, Ань, прикинь, у меня сегодня фотки «голые» попросил! – под удивленным взглядом собеседницы она прыснула. – Представляешь, сколько энергии у вернувшегося с того света человека? Он мне по вечерам такие сообщения строчит, что телефон краснеет! Я в первый раз в жизни пароль поставила, чтобы дети случайно не наткнулись.

Она прошлась по кабинету и заглянула за ширму.

– Можно я тут у тебя слегка пошалу? А то у меня медсестра сидит.

Не дожидаясь разрешения, Ерохина юркнула в укромное место и, расстегнув халат на груди, стала экспериментировать с ракурсом.

– А твой тебе что-нибудь пишет по ночам?

– Пишет, – тихо откликнулась Аня, не вдаваясь в подробности.

В первые недели отсутствия Олег действительно писал ей нежные глупости, потом заболел, и из их общения совсем ушла радость. Остались усталость, сложно сдерживаемое раздражение и отчаяние от никак не заканчивающейся разлуки.

– Лушина, вот ты как была душой деревенской – так и осталась! – Люсьена оттолкнула кузину от окна сестринской, выходящего в больничный коридор, и закрыла жалюзи. – Уж почти год, как из твоей Ольховки тебя вытащили, а деревня из тебя все прет и прет! Чё ж ты на людей-то «в открытую» пялишься?

Даша обиделась:

– Это, между прочим, и твоя Ольховка, хоть ты и уехала из нее на два года раньше!

– Так ты ж еще и вернуться после медучилища туда умудрилась! – Лушина-старшая фыркнула и поправила кричаще-рыжую шевелюру, которая настырно выпирала из-под медицинской шапочки. – Ну как же? Семик твой там остался ненаглядный! И где сейчас твой Семик? Поматросил – и бросил! И ищи ветра в поле!

Она плюхнулась на табуретку и продолжила нарезать колбасу солидными ломтями. Потом положила один кусок на хлеб и выдала двоюродной сестре вместе с очередной порцией нотаций:

– Вот когда тебя жизнь чему-то здравому научит? Мама-учительница только говорить красиво и научила, а жизни – нет! А кто жизни научит? – Люсьена замерла в ожидании правильного ответа и, не дождавшись, ткнула себя в пышную грудь. – Я научу, детка, держись меня!

Светло-карие глаза Даши увлажнились:

– Я ж любила его, Люсь, понимаешь?

– Не Люсь, а Люсьена! – одернула Лушина младшую сестру. – Не зря ж мать моя, женщина, кучу романов заграничных перечитала, имя мне красивое выискивала! Люсьена я! Сколько можно говорить?

Она откусила огромный кусок от своего бутерброда и стала жевать, не прекращая рассуждать о высоких материях:

– А Семён твой – козел настоящий. Только и достоинств что рост два метра, бицуха прокачанная, да дядька на таможне, который помогал шмотки из Китая таскать! А сейчас граница прикрылась – и где твой Семён? Пффф – сдулся Семён! И больничку нашу деревенскую

оптимизировали. Если бы не мама твоя, которая слезно молила тебя пристроить, и не Люся-спасительница, которая в городе уже три года трудится, так бы и сидела Дашка в деревне: брошенная и безработная!

Лушина-старшая шумно отпила растворимый кофе из огромной кружки и с удовольствием вытянула ноги. Даша тихо кивнула:

– Спасибо тебе, Люсь, правда, спасибо! Но Сёма все-таки – не козел. Он в Москву уехал, его мама сказала. Может, когда там устроится – и меня заберет?

Ее взгляд из-под медно-рыжей челки все еще таил надежду, но Люсьена снова фыркнула:

– А сам он тебе что-нибудь сказал? Нет! Ни ответа, ни привета. И новый номер телефона, который его матушка никому не дает! Так что, милая, забудь – и дело с концом! Тут городских – валом: на любой вкус!

Носик Даши с фамильными Лушинскими веснушками, наследством давно умершего папы, поморщился. И Люська весело брызнула своей рыжей россыпью на щеках:

– Да ладно, брось, я уж давно поняла, что тебе кто-то из наших приглянулся: ты уж месяц тихоней ходишь, я все вижу! Рассказывай, а то сама догадаюсь!

Даша зарделась:

– Не могу, Люсь, он женат... Я лучше о Семёне думать буду, хоть отвлекусь от этих мыслей. Стыдно ужасно...

Люсьенка хлопнула себя по аппетитной ляжке.

– Но только, пожалуйста, не завотделением, ладно? Я на него давно заглядываюсь, а тут и повод есть прильнуть к начальственному плечу: Марь Санна-то наша, царствие ей небесное, себе замену не оставила! А я в старшие медсестры оч-чень даже гожусь: и опыт есть, и статья!

– Жалко ее, да? – грустно вздохнула Даша. – Хорошая была женщина.

– Конечно, жалко, – легко согласилась кузина. – Но думать надо, куда суешься: тут же адище адский. Она, кстати, так и говорила! Вот только деньги на дороге не валяются: доплаты нам обещали? Обещали! Но одно дело мы, молодухи, а другое – Марь Санна, ей же почти шестьдесят было!

– Она внука растить помогала, – попыталась было оправдать Даша коллегу, но Люся разделалась с ее аргументом на раз:

– Ну, и где сейчас Марь Санна?

Дверь сестринской открылась, и в кабинет заглянул завотделением:

– Девочки, это у вас тут вкусеньким пахнет? Ужина не дождались? – он обернулся и позвал коллегу из коридора. – Анатолич, иди сюда, нас тут вкусеньким накормят!

Люся расплылась в улыбке: рыбка сама идет в сети – поди плохо?

– Да, Василий Федорович! Я могу и горяченьких бутербродов настрогать, я шустрая!

– Ну, о'кей, шустрая, давай! Мы бы перекусили, да спать пошли. А то час промедления до ужина по расписанию – сплошное расточительство! После операций жуть как спать хочется!

Ерохин подмигнул обеим сестричкам и присел на кушетку. Пока старшая Лушина возилась у микроволновки, младшая достала еще две тарелки и пару кружек.

В сестринской появился Клементьев, Даша вспыхнула и засуетилась с удвоенной энергией:

– Олег Анатольевич, Вы где сядете: с этой стороны стола или у двери?

Олег выглядел чуть менее уставшим, чем обычно, и гораздо более довольным: последняя операция прошла хорошо, они спасли девочку с тромбозом.

– Я не буду есть, Даш, ты мне просто чаю налей! – попросил он, присаживаясь рядом с Ерохиным и, прислонившись спиной к стене, прикрыл глаза. – Когда-нибудь закончится этот день?

– Нет, Анатолич, так нельзя! – возмутился Ерохин. – Ты и есть толком не ешь, и ночами не спишь: я же слышу, как ты ворочаешься. Не пойдет так дело, не пойдет! Ну-ка, девочки, давайте сюда самый большой и горячий бутерброд, будем героя кормить!

Василий Федорович встал сам и, слегка подтолкнув коллегу, усадил его к столу. На тарелке перед Олегом возникла еда, в кружке – чай.

– Девочки, вот, что я вам скажу! – продолжил заботделением мотивирующую речь. – Этот человек... этот, не побоюсь этого слова, хирургический гений, совершил сейчас такое! Я два дня над тромбозным случаем голову ломал, девчонке той все хуже становилось, а Олег... Олег Анатолевич... раз – и нету тромба, вуа-ля! Я же говорю: герой!

– Олег Анатолевич, Вы – герой! – торжественно признали сестры.

Клементьев молча отмахнулся и укусил бутерброд. Его лицо скривилось, но он мужественно заставил себя дожевать.

– Черт, после этого долбаного вируса на вкус все, как резина!

– Точно! – расхохотался Ерохин, уплетая свою порцию. – Но после света в тоннеле и путешествия в мир иной все, что находится в этом мире, мне решительно нравится! За жизнь, что ли, ребята?

Вся четверка дружно подняла кружки и соединила их на весу над серединой стола. Олег допил чай и поднялся.

– Даша, утром принеси мне, пожалуйста, карты прооперированных, ладно? И девочку эту проверь, мне первым делом ее состояние доложишь.

Василий тоже встал и, запихивая в рот остатки бутерброда, дал указание Люсе:

– А потом мне на подпись все, хорошо? Спасибо, коллеги, за приют – разрешите откланяться.

– Василий Федорович, можно Вас на разговор? – догнала уже в коридоре старшая Лушина заведующего, он остановился, и Люся легонько потянула его за рукав к двери бельевой. – Я вот тут порядок навела вместо Марь Санны, то есть, после того, как она уже не смогла... Не посмотрите?

Заглянув внутрь, Ерохин реально не понял, на что тут смотреть: полки, белье, порядок. Ну, молодец, Лушина, что сказать? Но смотреть-то на что? Он повернулся, и тут же все стало понятно. Люська приперла его бюстом к стеллажу и горячо зашептала:

– Василий Федорович, я еще и не такое могу! Вы только скажите, что надо сделать? Я ж шустрая!

Ерохин сделал шаг в сторону и остановил ее на расстоянии вытянутой руки. В его глазах плясали смешинки:

– Нет, Лушина, сразу – нет! Вот просто не надо – и все!

– Чего не надо? – опешила рыжая девица.

Василий помотал головой, стараясь не рассмеяться, чтобы не обидеть человека на всю жизнь.

– Шустрить не надо, и... должность старшей медсестры я тебе все равно не дам!

– Эт почему? – Люська уперла руки в бока: обижаться она явно не собиралась.

Завотделением покачал головой:

– Ума бы тебе, Людмила – цены б тебе не было!

– Я не Людмила, а Люсьена! – повысила голос Лушина на покидающего бельевую завотделением.

– Тем более! – послышалось уже из-за двери.

Люська беззвучно плюнула и отправилась обратно в сестринскую.

– Эх, не получился карьерный рост! – досадливо махнула она рукой и подперла ею подбородок. – Ты чё ржешь? Думаешь, ты лучше?

Смеющаяся Даша сделала еще один глоток чаю.

– Он ведь тоже женат, Люсь, как и...

Она осеклась, и Люсьена укоризненно покачала головой.

– Да вижу я, в кого ты втрескалась, чего уж! Анатолич, по-моему – вообще бесперспективняк! Ему, почитай, уже полтос скоро, зачем он тебе?

– А тебе Ерохин зачем? – огрызнулась Даша.

Люська всплеснула руками:

– Ну не для души же? Это должны были быть вложения в будущее. Вложения – от слова «вла...».

– Дура ты! – прыснула Даша, махнув на сестру полотенцем. – Олег мне просто нравится. Он же талант, так все говорят. И руки золотые.

– М-м-м, уже *Олег*? – заинтересованно промычала Люся сквозь откусанную баранку. – Да ты от него вообще ничего не дождешься: ни денег, ни карьеры. Ты ж не знаешь ничего... Сейчас расскажу!

Она подлила себе кипяток и застучала ложечкой, размешивая новую порцию растворимого кофе.

– Он раньше главврачом в наикрутейшей клинике был, пластические операции делал. Денег – куры не клевали, бабы красивые, им же сделанные, вокруг вились... Говорят, что пока его папенька тут, в городской, завотделением был, Олег наш к нему на интересные операции бегал, чтобы квалификацию не потерять. А потом, так и вообще, взял – да и вернулся в нашу больничку насовсем. Ну, больной же? Больной на всю голову! Пару лет назад ему предложили вместо ушедшего на пенсию папаши должность начальственную занять – так этот чудак отказался. Я, конечно, не сама слышала, но Марь Санна рассказывала, что он не захотел бумажной работой заниматься, и так, мол, столько времени профессионального потерял. И завотделением стал Ерохин, хоть и младше он Анатолича года на три! Но они как-то без обид, уживаются. И жены у них – не разлей вода.

– Я утром слышала в ординаторской, как Олег орал на свою по телефону, – с робкой надеждой проговорила Даша.

Но Люська только хмыкнула:

– Орет, потому что любит. Она к нему сюда рвется, как и Ирка Ерохина, а мужики их чуть не матом кроют, чтобы снаружи удержать. Нет, Даш, слонику не светит! Это нас с тобой удерживать некому. Поэтому мы тут сидим, а их жены – там, в безопасности.

Олег лег в постель, не раздеваясь, и откинулся на подушку. В этой ненормальной новой реальности даже раздеваться приходилось по регламенту. Идешь в «красную зону» – надеваешь защитный «боекомплект». Выходишь – раздеваешься в «шлюзе» донага, в душ, а потом натягиваешь новую хлопковую пару: штаны, блузу. И носишь это до следующей смены. Вся «чистая зона» – как близнецы: медсестры в зеленом, врачи в синем. Все стерилизуется, свою одежду даже смысла нет доставать. Сумка Олега так и стояла в углу палаты, нераспакованная.

Палаты, отведенные для отдыха персонала, чем-то напоминали пионерский лагерь: мальчики – налево, девочки – направо. По четыре человека в комнате: двое работают, двое отдыхают. Они с Ерохиным и сменщиков-то почти не видели. Пока ты в душе, смена уже в «красную зону» вошла. За полтора месяца уже привыкли, нормальный режим. Еще бы... еще бы люди не умирали!

В комнату ввалился Ерохин и, смеясь, приземлился на свою кровать:

– Олег, ты прикинь! А я, оказывается, еще ничего в свои-то сорок пять! Меня только что в белье Люська чуть не совратила!

Клементьев в недоумении уставился на друга:

– А ты? Совратился?

– Да брось, – беспечно махнул рукой Ерохин. – Я Ирку люблю! Вот как выздоровел – так прямо не могу дождаться, как я ее *любить* буду.

– Это реакция на стресс, Вась, – усмехнулся Клементьев. – Помнишь, в меде учили четырьмя типичным реакциям организма? Бей, беги, прикинься падалью или... или секс. Деремся мы тут с вирусом каждый день, бежать некуда, падалью прикидываться – не наш метод. Поэтому секса хочется. Нормально это. Главное – до дома дотерпеть.

– Дотерпишь тут! – с наигранной ворчливостью заметил Ерохин и мечтательно вздохнул, перелистывая что-то на экране телефона. – Ты даже себе не представляешь, *какие* мне Ирка фотки прислала. Чер-те что, а не фотки! А вот эта... Святые угодники! Я ж когда ее просил, не думал, что она так...

Он сел в постели и, шлепнув рукой по щеке, медленно провел ладонью вниз, а потом оттянул ворот.

– Олег, ты в подростковом возрасте как из ситуации выходил? У меня была целая коллекция фоток из мужских журналов... Я на них...

– Да понял я, понял! – хохотнул Клементьев. – Что ж я, подростком не был? Иди уж, подросток, руки только помыть не забудь!

Уже у порога Ерохин обернулся:

– А ты Ане напиши. Может, у нее тоже расслабить тебя получится? Потому что, если ты сегодняшней ночью не уснешь – я вколю тебе кубик снотворного!

Нет, Ане он сейчас писать не станет: наверное, она тоже устала после работы. Скорее всего, сейчас ужинают с девчонками, обсуждают получение аттестатов... Дочери закончили девятый класс и, как все дети, радовались отмене выпускных экзаменов, случившейся из-за карантина. Дети – они и есть дети... Эх, что за возраст – шестнадцать лет!

Он заложил руки за голову: сон не шел, как обычно. Овец посчитать, что ли? Или в воспоминания удариться? Обычно приятное заснуть помогает... Так, что он делал, когда ему самому было шестнадцать? Школьный театр с Шекспиром, колхоз с клубникой, друзья-одноклассники Лиза и Сашка, увлечение Формулой-1. Аня тогда еще совсем ребенком была... А вот когда ей самой исполнилось шестнадцать... Был у них один забавный эпизод: из тех, что вспоминают в обнимку... Олег растянул в темноте всю ширь своей улыбки. Его маленькая Аня... Да и сам он тогда был размера на три поменьше.

1995 год

Держа Олега за руку, Аня шагала рядом с ним по уличному пеклу, но жарко ей было совсем не от этого. Вчера днем, лежа с подружками на пляже, она всерьез задумалась об одной вещи, которая теперь не шла у нее из головы. Девчонки болтали про парней, про то, что «они только *этого* и хотят», и про то, *чего* же они хотят конкретно. Ирка говорила, что ей, наверное, придется уступить своему мальчику, которому «*это*, кажется, *позарез* как нужно». Вера уже делилась опытом: секс – это совсем не приятно, и судя по тому, как она морщилась, хвастаться и вправду было нечем.

Аня осторожно посмотрела на Олега, который был увлечен пересказом какого-то фантастического триллера. Интересно, а ему это тоже нужно *позарез*? Да, наверное, нужно. Вон, какой он: высокий, красивый и... совсем взрослый! Девушки, его ровесницы, скорее всего, от него без ума! А он... он ведь тоже не железный... Четыре с лишним года назад, когда Олег заканчивал первый курс, ревность в первый раз посетила Аню. В школе-то за ним хоть Лиза присматривала, Анина старшая сестра...

– Олег, скажи мне честно: однокурсницы строят тебе глазки? – спросила его тогда Аня без обиняков.

– Строят, строят, – скорчил он ей шутливую рожицу. – Но жениться-то я на них не собираюсь!

– А на ко..? – невольно вырвалось у нее, и, чтобы не показаться навязчивой, Аня быстро прикусила язык.

– На тебе, конечно! – рассмеялся он. – Если будешь себя хорошо вести.

И, скрепляя обещание, Олег-первокурсник тогда в первый раз поцеловал ее в губы...

Да, она получила предложение, когда ей было всего двенадцать лет! Ну просто они с Олегом любят друг друга – вот и все! И возраст здесь значения не имеет. С другой стороны, если посчитать, то конфетно-букетная стадия у них явно затянулась. Теперь ей шестнадцать, и, может быть... им уже пора?

Конечно, решиться переспать с парнем до свадьбы – на это нужно иметь смелость. Но ведь другие занимаются сексом – и никто не умер! Вот Лиза с Алексом, например... Господи, если бы мама узнала сейчас о ее мыслях – просто убила бы на месте, и не видать ей никакого секса! Но... Аня снова взглянула на своего спутника... Ведь это Олег, с ним не страшно! И... он же все равно на ней женится!

Когда они дошли до дома, Аня уже почти решилась.

– К тебе или ко мне? – задал Олег обычный вопрос: они каждый день пропадали в гостях друг у друга.

– К тебе, – кивнула Аня.

«Если его родители дома – значит ничего не будет, – пронеслось у нее в голове. – А если нет – тогда я разрешу ему всё!»

И они свернули в соседний подъезд.

– Мам! Пап! – прокричал Олег Клементьев, закрывая за собой и Аней входную дверь.

Никто не откликнулся – значит дома пусто. Хм, и где ходят родители, когда они нужны больше всего? Олег надеялся, что они заведут с Аней беседу на какую-нибудь общую тему, потому что он, лично, за сегодня уже истощился. За все время их свидания Аня была молчалива и отвечала только «да» или «нет», да и то – не всегда к месту. Интересно, что это с ней? Вряд ли произошло нечто серьезное, иначе бы он обязательно почувствовал! Скорее всего, хандра: завтра ей в школу, конец каникулам!

Олег рухнул на диван и начал обмахиваться газетой. Ну и жара этим летом! Жаль, что мамы нет дома, она бы соорудила им коктейль... Конечно, он и сам может, но когда это делает женщина – куда приятнее!

– Аня, в холодильнике есть мороженое, – намекнул он на то, чтобы за ним поухаживали. Намек не сработал, и Олег спросил прямо. – Не хочешь принести его сюда?

Но Аня, казалось, была где-то далеко. Она постояла у окна, прошлась по комнате, словно что-то обдумывая, а потом приблизилась и по-кошачьи медленно уселась верхом к нему на колени. Тело Олега среагировало моментально.

– И что это *мы* делаем? – поинтересовался он, не зная, куда деть руки, чтобы как-нибудь неосторожно не коснуться ее.

– *Мы вас* соблазняем, – сообщила Аня, обнимая его за шею и облизывая губы.

Вот так поворот!

– Гм, и где это ты насмотрелась таких сцен? – Олег строго сдвинул брови. – В кино или?..

Аня хихикнула:

– В прошлом году я как-то раз очень не вовремя вернулась домой и застала в гостиной Лизу и Алекса, – она помолчала и многозначительно добавила. – Знаешь, они занимались *этим* еще до свадьбы...

Несмотря на то, что приведенный для подражания пример был, в принципе, положительным, Олег насторожился.

– Лиза – взрослая девочка, – напомнил он. – А тебе только шестнадцать!

Аня надулась.

– При чем здесь возраст? *Ты меня просто не хочешь!*

Олег обалдело разинул рот, а потом рассмеялся:

– Аня, не болтай глупостей!

– Ну тогда... – она улыбнулась, как настоящая соблазнительница, и еще теснее прижалась к нему.

Ощущая одуряющую близость ее тела и то, что его желание становится слишком явным, Клементьев закусил губу.

– Малыш, да ты себе даже не представляешь, *как* я тебя хочу! – откинув голову назад, простонал он. – Я хочу тебя так, что у меня просто скулы сводит! Но я обещал... самому себе обещал, что дам тебе повзрослеть! Не сейчас, хорошо?

Он обнял ее и, проведя пальцами вверх по позвоночнику, погрузился ими в завитки волос на затылке. По ее телу пробежала волна удовольствия, и Олег почти отдернул руки.

Аня снова нахмурилась.

– Дурацкое обещание! – сказала она и поерзала у него на коленях, отчего кулаки у Олега непроизвольно сжались. – Не любишь ты меня совсем!

Он на секунду задумался – и вдруг принял решение. Серо-голубые глаза парня стали глубокими, как омут.

– Хорошо, – медленно кивнул он, начиная гладить ее голые коленки. – К черту обещания...

Глубокий страстный поцелуй... горячие пальцы, ласкающие ее так, как он никогда не позволял себе прежде. Немного приподняв Аню, Олег резко, но аккуратно уронил ее на диван и прижал всем телом к подушке. Его ноздри вздрагивали, дыхание обжигало.

– Аня, я люблю тебя... Анечка...

Губы скользнули от ее рта... ниже... В ее зрачках сверкнуло испугом. О, Господи! Еще пару мгновений назад она думала, что готова осуществить план, который вынашивала весь сегодняшний день, а теперь... Теперь у нее между ног оказался парень, а у него... В Аниной груди забились паника. Ой, мамочки, нет! Наверное, и вправду «не сейчас»!

– Олег! Олег! – задохнулась она, захлопав ресницами. – Олег, пожалуйста! Я не...

Он шумно выдохнул в ее шею и замер на целую минуту, которая показалась Ане вечностью.

– Я знаю.

Его голос дрогнул и снова стал спокойным, как будто Олег усилием воли щелкнул выключателем желания. Приподнявшись над ней, парень легко коснулся ее губ своими.

– Аня, ты просто еще не готова, – еще раз поцеловал он ее пылающее лицо. – Пожалуйста, Малыш, дай себе еще немного времени! Я обещаю – ты не пожалеешь!

Он перекатился через нее и лег рядом на подушку, подставив девушке свое плечо. Аня спряталась у него под подбородком.

– Я – глупая дуручка, да? – произнесла она оттуда, кусая губы, чтобы не разреветься.

Олег улыбнулся и погладил ее по кудрявой голове.

– Нет, конечно... Ты – Аня Лучинская! И я тебя очень люблю.

2020 год

Интересно, а Аня это помнит? Олег достал телефон и все-таки набрал жене сообщение в приватном чате:

«Малыш, я хочу тебя так, что у меня просто скулы сводит!»

Если она спит, то, наверное, не ответит, а если... Точки, означающие, что она пишет ему ответ, запрыгали в мессенджере почти моментально.

«Но ты самому себе обещал, что дашь мне повзрослеть?»

Олег рассмеялся и сел на кровати: конечно, помнит, с чего он засомневался? Точки продолжали прыгать и выдали еще пару сообщений:

«Ты сдержал обещание: я ни разу не пожалела»

«Где ты насмотрелся эротических сцен: в кино или?..»

Набирая ответ, он искренне поверил, что сегодня удастся, наконец, заснуть:

«Во сне. Приснись мне еще, ладно?»

«Да, милый, спи. Люблю тебя больше жизни!»

Немного поспать все же удалось, но снилась ему совсем не Аня. Снилась девочка с тромбозом. Она спрашивала перед операцией:

– Олег Анатольевич, Вы же обещаете, что все будет хорошо? Мне кажется, что я не готова... Но если Вы обещаете...

Она плакала. Он говорил ей что-то утешительно-ободряющее, что обычно говорят пациентам: в ее шестнадцать лет такая операция – это не опасно. Гладил по голове.

Потом, уже в кабинете заведующим, кричал Ерохину, тыча пальцем в некачественно сделанную доплерограмму:

– Я не вижу этот тромб, Вася, но я чувствую, что он где-то тут! Обещаю, что найду эту сволочь!

В ответ ему вместо Васи смеялось лицо Марь Санны:

– Дурацкое обещание, Анатолич! Не стоило тебе обещать!

Потом из шлюза «красной зоны» возникли Вика и Ника и наперебой закричали:

– Мам! Пап! В холодильнике есть мороженое. Принести его сюда?

А он вдруг запаниковал, что на них нет защитных костюмов, но дочери дружно отмахнулись:

– В шестнадцать лет – это не опасно!

– Нет, опасно! – закричал он, что было сил.

И резко проснулся, не понимая, где находится, где граница сна и реальности. Его вдруг затрясло: так вот, что ему хотела сказать Вселенная! Вот, почему он так волновался именно за ту девочку с тромбозом! Она ассоциировалась у него с дочками, с Аней в том возрасте, когда он относился к ней как к неприкосновенной богине, оберегая даже от себя! А кто бережет эту, чужую, девочку? У нее в анамнезе – прием оральных контрацептивов. В шестнадцать лет! Возможно, именно они спровоцировали образование тромбов?

Олег оперся спиной о стену и подтянул колени к груди: «Надеюсь, я не вслух кричал? Ерохин, вроде, спит...»

Черт, да почему из головы не идет эта операция? Все же обошлось, все в порядке! Девочка должна уже отойти от наркоза, надо утром сходить, проведать ее. Познакомиться. Его вдруг удивило, что он не запомнил ее имени. Обычно Олег помнил всех пациентов до самой выписки, а тут... Будь проклят этот вирус! Этот конвейер операций! Эти смерти! Когда в острый период ему казалось, что он сам умрет – и то было легче! Полтора месяца он работал как заведенный, делал, что мог. Иногда чудеса. Но люди все равно умирали! Низкая сатурация, высокая температура, гангрены как последствия тромбоза... Вселенная, да как это вынести-то? Прекрати забирать жизни! *Лучше создавай...* Олег почувствовал, что он – на пределе: руки тряслись, как с похмелья, голова гудела. Утро наступило быстро.

– Олег, ты что – опять не спал? – послышался голос Ерохина после звука запищавшего в телефоне будильника. – Старик, ты меня пугать начинаешь. Нельзя так, я серьезно...

– Тук-тук-тук, к вам можно? – в палату призрачной тенью просочилась Даша. – Уже не спите, я свет включу?

Подъем по плану – за час до смены: привести себя в порядок, позавтракать. Медсестры разносят свежие хирургические костюмы и новые защитные «боекомплекты»... Медкарты новые, медкарты на выписку. Все как обычно, вот только Даша прячет глаза.

– Олег Анатольевич, Вы просили девочку прооперированную утром проведать... – она помедлила, Олег уронил мокасина, который пытался надеть на левую ногу: ему показалось, что он уже услышал то, что скажет ему Даша. – Она умерла сегодня ночью: тромб дошел до сердца.

Звон в ушах чуть не оглушил Клементьева насовсем. Олег снова откинулся на стену и закрыл глаза. Он больше ничего не чувствовал.

– Старик, я сейчас все узнаю, посиди пока тут! – почти приказал другу Ерохин, впрочем, Олег и так понимал, что не сможет сдвинуться с места.

Выходя, Василий Федорович сделал Даше жест в сторону коллеги: «Поговори с ним, не молчи!» Даша в нерешительности остановилась перед Клементьевым. Господи, что с ним? Глаза ввалились, лицо осунулось, светлые волосы – дыбом... Руины, а не человек! Ей вдруг очень захотелось спасти его от этой реальности! У каждого врача – свое кладбище. Но что же делать? Врачи ведь – не боги!

– Нельзя так, Олег Анатольевич, – тихонько присела она на кровать и погладила его по руке. – Нельзя... Вы не виноваты! Вы сделали все, что могли... Я уже узнала у ночной смены: Вы все правильно сделали... те тромбы, которые Вы удаляли... Вы все дочистили. Это другой тромб, в другой совсем вене, его не видно было на доплереограмме...

Из-под ресниц Олега потекли слезы. Ручьями. Он с трудом поднял руки и, надавив на глаза, уронил голову в раскрытые ладони. Плечи беззвучно затряслись.

– Олег Анатольевич... Олег... – Даша встала на постель на колени и прижала его голову к своей груди.

Он молча рыдал, а она шептала что-то невнятное и гладила его по включенным волосам, как ребенка: не надо так, не надо... Наконец, он упокоился и, чуть приобняв девушку за талию, отстранил ее от себя.

– Спасибо, Даша, – глубоко вздохнул он, возвращаясь со своего врачебного кладбища. – Ты не знаешь, как ее звали? Не могу вспомнить...

Лушина слезла с кровати и встала рядом.

– Ее звали Даша, Олег Анатольевич, как меня.

Он вскинул на нее глаза, все в красных прожилках:

– Надеюсь, ты не принимаешь оральные контрацептивы в этом чертовом тромбозном аду?

Она нервно улыбнулась, врачей никогда не поймешь: шутят или диагноз ставят?

– Нет, Олег Анатольевич, мне уже почти год, как нет смысла их принимать: у меня нет никого. Совсем.

– Это хорошо, – кивнул Клементьев, хваля ее непонятно за что.

Когда Ерохин вернулся, Даши в палате не было, а Олег умывался, склонившись над раковиной. Он уже пришел в себя, и заботделением повторил другу то же самое, что было услышано им от всезнающей медсестры: новый тромб, не врачебная ошибка, никто не виноват.

– Вась, да мы всегда виноваты, что не досмотрели, всегда!

Клементьев вытер лицо полотенцем и попытался казаться готовым к новому бою.

– Ты сегодня в «красную зону» не пойдешь! – уверенно произнес Ерохин. – Это я тебе как начальник говорю.

– Пойду, Вась, пойду, иначе кто работать-то будет? Замена нам придет через неделю. Я тебя одного не оставлю. Но если ты будешь готов взять на себя операции – я буду только ассистировать, не вопрос!

Аргументов у Ерохина не осталось, и в «красную зону» пошли оба. Защитные комбинезоны, герметичные очки, респираторы, бахилы, по две пары перчаток. Третья пара – поверх, менять после каждого пациента. Есть нельзя. Пить нельзя. В туалет нельзя. Телефон и личные вещи с собой нельзя. Нос почесать... Ну и далее, по списку – все нельзя. Утром обходы обычных палат, ближе к полудню – в реанимацию. И Ерохин, и Клементьев – «совы», поэтому все операции – на вторую половину дня. Исход зависит даже от таких мелочей, как биоритмы. Палаты поделены между врачами, сложные случаи – вместе.

Чертов вирус создает проблемы с невероятным упорством: потеря обоняния, низкая сатурация, легкие – «маатовое стекло», обострение хронических. Больше всего доставалось диабетикам: повышенный сахар, тромбозы, гангрена – и привет, Господи! Именно поэтому на базе отделения сосудистой хирургии городской клинической, которое славилось результатами, и развернули ковидный госпиталь. Их госпиталь. Отдельный от мира, как космический корабль. И они на нем – космонавты. В защитных «скафандрах».

В женских палатах встречаются, как обычно, приветливо: на вопросы отвечают подробно, назначения выполняют послушно, кто-то обещает носки связать, кто-то внуков на телефоне показывает. Пациентам «везет»: они без защитных костюмов, телефоны – можно. Как встречаются в мужских палатах? Когда как. Одни считают, что им внимания не добавляют: деловые ребята все деньги пытаются за отдельную палату предложить. Смешно! Тут скоро в коридорах придется лечить, откуда ж им отдельную? Другие сопротивляются лечению: все им кажется, что «хиханьки», пока старушка с косой не замаячит. Третьи буянить начинают, прям беда с такими! Вот в реанимации только тихо: мерно гудят ИВЛ, пациенты – на седации.

Олег сегодня работал «на автомате»: осмотр, назначения, записи – по кругу. Даша не отходила ни на шаг, и он чувствовал неловкость в ее присутствии из-за утренней сцены.

– Анатолич, пойдём к дальнобойщику вместе? – позвал Олега из коридора Ерохин. – Не могу этого осла уговорить на ампутацию, двинет ведь кони из-за гангрены!

В крайней палате – тяжелый запах. Здесь все «тяжелые»: кому-то на поправку мешает пойти возраст, кому-то – хронические заболевания, кому-то – врожденный пессимизм.

– Анатолич, ну слава Богу! – прогудел коренастый мужичок неопределенного возраста на койке у стены. – Посмотри и ты меня! Федорыч совсем расстроил.

Олег поднял простыню: правая нога синяя, распухла, пахнет.

– Плохо, Степаныч: резать надо без вариантов.

Диагностика, когда на врача «защита» – дело сложное: фонендоскоп в уши не вставить, очки потеют, чувствительность пальцев в трех парах перчаток стремится к значению бесконечно малых чисел. Но тут, и вправду – без вариантов.

– А-а-а-а! – замолотил коренастый кулаками по матрасу, пациенты в палате вздрогнули. – Да вы, что, космонавты, охренели? Я на жизнь дорогой зарабатываю. Чем без ноги на педали давить? И жена у меня молодая... Да пошли вы все на х... со своим «резать»!

Ерохин развел руками: вот так уже третий день. Олег кивнул:

– Ну-у, если ты, Степаныч, отдаешь себе отчет, что тебе нога дороже жизни – пиши отказную от операции, готов? – Клементьев повернулся к медсестре и прямо в ухо, через нетканый материал защитного комбинезона, произнес. – Даша, мухой за согласием на операцию. И ручку давай!

У дальнобойщика прояснился взгляд. Вот так просто: отказ – и не надо резать?

– Да, конечно, готов! Давай свою гребаную бумажку! Где тут надо...? – он принял из Дашиных рук папку с документом и начал подписывать. – Так, имя тут, фамилия, еще чего? Адрес домашний, прописка? Ну на, Анатолич, держи! А то, гляди-ка, резать они меня захотели!

У Ерохина глаза полезли за пределы защитных очков:

– Клементьев, ты что?

– Тише, Вась, подожди, – Олег стиснул руку за отделением повыше локтя и, приняв бумаги от дальнбойщика, с нарочитым спокойствием пожал плечами. – Супер! А теперь, Степаныч, звони жене.

– На фига? – не понял тот. – Я сам решения принимаю.

Клементьев взял с прикроватной тумбочки телефон и подал его пациенту.

– Звони, говорю: прощаться будем! Времени у тебя – два дня до сепсиса. Ее сюда не пустят, тебя наружу – тоже. А завтра ты уже бредить начнешь. Звони, Степаныч, пока в сознании!

В глазах дальнбойщика за десять секунд сменились ненависть, отчаяние и... слезы. Он еще побуравил глазами врача и протянул руку:

– Твоя взяла, – дрогнувшим голосом произнес он. – Давай сюда отказ, я порвать хочу!

Олег помедлил и отдал документ:

– Не рви только, прочитай, что подписал! Это согласие на операцию. Даша, принеси ему копию паспорта и проследи, чтобы данные были внесены как надо.

За отделением вышел в коридор вслед за Клементьевым и похлопал его по плечу:

– Спасибо, старик, даже не знаю, что сказать...

– Олег Анатольевич, можно Вас? – послышался певучий голос, и от стены напротив отделилась стройная фигура.

– Ладно, я дальше побежал, – ускользнул от предполагаемых разборок Ерохин и исчез за дверью следующей палаты.

– Слушаю Вас, э-э-э, – пробормотал Олег: вот черт, не успеваешь он их запоминать! Долбаный конвейер!

– Эльвира, – подсказала ему молодая женщина с внешностью ухоженной бизнес-леди, она как-то совсем неуместно смотрелась посреди больничного интерьера. – Олег Анатольевич, я хочу спросить у Вас: что я могу сделать, чтобы покинуть эти стены раньше, чем придет мой отрицательный тест?

Она многозначительно посмотрела ему в глаза, старательно пытаясь разглядеть их сквозь закрытые очки, и сделала интонационное ударение:

– Я *много* могу, – на экране ее телефона открылось банковское приложение с функцией перевода денег. – Я... я чувствую себя хорошо. Я вообще сюда попала по ошибке: наверняка, тест был ложноположительным! Хотя, нет... может, и – нет...

Ее глаза яростно сверкнули, и Олег тут же вспомнил, как и с кем она поступила к ним в отделение.

– Мне эту гребаную «корону» муженек приволок, тварь такая, от любовницы! Не мог утерпеть, сволочь! Самоизолировать бы его на площади в два квадрата! Я хочу выйти отсюда и на развод подать, а еще лучше – придушить его своими руками!

– Эльвира, не надо давить на ситуацию, – голос Клементьева был безмерно усталым. – Вселенная Вас услышала. Тест придет завтра, а Ваш муж... Он сейчас в реанимации, на ИВЛ... Подождите: может, уже и развод не понадобится?

Гневно сдвинутые брови Эльвиры испуганно разлетелись:

– Настолько плохо? Но я... я же не всерьез его смерти хотела! – представив материализовавшуюся мысль, она зажала рот ладонью, но тут же взяла себя в руки. – Я могу чем-то помочь?

– Конечно, можете: аккуратнее с желаниями! А то ведь у Вселенной – везде уши! – за респиратором доктора явно появилась улыбка. – Не волнуйтесь, у Вашего мужа сильный организм. Будет жить. По крайней мере, пока Вы его не придушите.

– Господи, когда же закончится этот кошмар? – Ерохин воздел раскрытые ладони к воображаемым небесам и попросил. – Люся, поправь мне очки, я уже стерильный!

Новая операция – новый защитный «боекомплект», на этот раз – две пары перчаток, надетых одна поверх другой: в трех парах во время операции пальцы не чувствуют того, что должны.

Василий Федорович позвал коллегу, не оборачиваясь:

– Анатолич, ты живой?

– Угу, – промычал в респиратор Клементьев, растопырив стерильные руки. – Вася, ты прости, правда, что сегодня ты все делаешь: что-то меня потряхивает после вчерашнего. Я только ассистировать и могу.

Обычно, чтобы меньше уставать, они менялись ролями «оперирующий хирург» и «ассистент», если операции шли подряд. Ерохин понимающе кивнул:

– Да мне тоже не по себе, если честно. Хорошо, что сегодня только две операции, и ничего серьезного: нога дальнобойщика уже благополучно покинула, теперь еще тромб – и на боковую! Мясники мы с тобой, Олег, сейчас, мяс-ни-ки! Я уж и соскучился по эндоваскулярным операциям: атерэктомия, ангиопластика, стентирование... – заотделением ласкал профессиональные термины, как поэт – любимые стихи. – Отправлять нас с тобой ноги ампутировать – это как микроскопом гвозди забивать, как скальпелем рыть траншеи...

Клементьев невесело усмехнулся:

– На войне – как на войне, Вася! В защитном костюме все равно ювелирно не сработает. Пила, долото и мясницкий нож – вот что нам сейчас нужно вместо скальпеля и микроскопа.

Дверь операционной открылась.

– В бой?

На столе – женщина средних лет, многодетная. Опять вызванный вирусом тромбоз глубоких вен. Несколько ободряющих слов от оперирующего хирурга. Проговариваемые анестезиологом вслух показатели жизнедеятельности. Наркоз, разрез, вена, тромб в эмалированном лотке, зашивать.

– Вася, зашей ты, руки дрожат... – Олег тяжело дышал в респиратор: перед глазами снова возникла шестнадцатилетняя Даша.

Оценив ситуацию, Ерохин моментально принял решение:

– Девочки, будете мне помогать. Олегу Анатольевичу надо на свежий воздух. Давай, братец, на выход, сам закончу!

Лушина-младшая с беспокойством посмотрела на Олега и промокнула ему узкую полоску открытого лба. Василий Федорович вдруг изменился в лице и отменил предыдущий приказ:

– Нет, стой, Анатолич, не уходи! Люся, свет прибавь и поверни, вот так! Бл... ь, Олег, тут аневризма! Смотри, вот тут, повыше зажима... Надо...

Кровь из лопнувшей на пережатом сосуде аневризмы брызнула наклонившимся хирургам на очки и заструилась в открытую полость, как темная жидкость из водопроводного крана.

– Черт, Люся, вытри меня срочно! А-а, бесполезно, не вижу ни хрена! – слышался из-за красного марева голос Ерохина.

Олег сдернул защиту с глаз первым:

– Даша, зажим! Аспиратор сюда, быстро! Вася, шунт временный давай!

Очки заотделением тоже полетели в сторону:

– Держу, Олег, вставляем аккуратно... Теперь затягивай, вот так... Отпускаю, да-а-а!

Аспиратор с хлюпаньем всосал вылившуюся кровь.

– Давление? – хором спросили хирурги.

– 120 на 80, – пролепетал молодой анестезиолог. – Все стабильно.

В операционной, ставшей похожей на декорации к фильму ужасов, установилась тишина. Ерохин глубоко вздохнул в респираторе и локтем вытер кровь со щеки:

– Как руки, Олег?

- Нормально.
- Вену зашить сможешь?
- Да, Вась, смогу.

В шлюз вошли последними: зачем коллегам лишняя порция вируса? Защитные комбинезоны – на утилизацию, очки-респираторы – на обработку, и срочно – в душ! Из шлюза два выхода в раздевалки, где уже – донага: мальчики налево, девочки направо. Двери на шпингалет с визгом никто не закрывает: от усталости всем давно уже все равно, да и взрослые же люди...

– Девочки, благодарность вам сегодня за работу! – Ерохин был всегда щедр на заслуженные похвалы. – Целоваться не будем: я тут немного во всемирно популярном вирусе.

Он вытер испачканное лицо влажной салфеткой, бросил ее к защитным комбинезонам и, затянув утилизационный мешок, показал ему средний палец.

– Не возьмешь ты меня, ублюдок, болел я уже!

Олег усмехнулся: у друга еще оставались силы шутить.

В мужской раздевалке Климентьев начал стягивать через голову хирургическую блузу и замешкался: в его шкафчике заиграл мелодией сотовый. Черт, неужели машинально его с собой притащил? Обычно в палате оставляли... Надо будет антисептиком обработать. Хорошо, хоть Ерохин не видит: вон он, арии под душем поет. А то влетело бы за телефон. Сотовый умолк, а потом снова запиликал. Номер незнакомый: кто это, на ночь глядя? Опять телемаркетинг? Семь пропущенных.

– Алло, слушаю Вас!

В трубке секунду помолчали.

– Я тебя, сволочь, из-под земли найду! – раскаленной ненавистью зашипел на него женский голос. – Ты девочку мою убил, ты же, сволочь? Молчишь? Значит – ты-ы-ы! Девочка моя, Дашенька... – женщина сначала заплакала, а потом закричала. – Ненавижу тебя! Чтоб тебе пусто было! Чтоб ты места себе не находил! Чтоб тебе ни одна баба не дала! Чтоб ты сдо...

– Наташа, перестань! – перебил ее рыдающий мужчина и перед отключением прошептал. – Простите нас...

– *Это вы меня...*

«...простите» говорить было уже некому. Олег в трансе положил телефон на полку и, закрыв шкафчик, уткнулся лбом в холодную металлическую дверь. Незнакомая Наташа в его голове продолжала биться в истерике. Ни сейчас, ни завтра, ни через год, а, может быть, и никогда она его не простит! Не сможет... Он бы на ее месте тоже не смог. Понимал бы, что неправ, но все равно – не простил бы!

От шлюзовой двери зашуршали шаги. Даша порывисто обняла Олега поперек тела, оставляя на его синей блузе мокрые следы от заплаканных глаз:

– Я слышала, Олег Анатольевич, но Вы не виноваты! Вы больше ничего не могли тогда сделать! Вы... все, что могли...

Зачем она здесь? Зачем все это? Ненужно все, неуместно...

– Даша, Даша, не надо! – оторвал он девушку от себя. – Ну хоть ты мне душу не рви своей рефлексией! Я умом все понимаю, но... я устал, я в чужой крови после операции, и... от меня несет как из конюшни... Иди, я не могу больше... я просто устал.

Горечь интонации показывала, что он действительно на грани. Она еще раз всхлипнула, хотела что-то сказать, но, услышав из мужского душа шаги Ерохина, юркнула обратно в шлюз.

Мощные струи воды падали сверху ему на затылок, как небесная кара – на голову грешника. Олег вымылся два раза, но этот способ против чувства вины не работал. Что еще он мог сделать? *Что?* Он мысленно крутил ход операции взад и вперед, как видеозапись. Все было правильно как по учебнику. Разве что... если бы доплерография не подкачала, может, тогда

он и увидел бы смертельный тромб в той, другой вене? Эх, черт, вот если бы диагностику делала Аня...

Олега прошибло холодным потом: вот оно! Вот, за что он себя жрал! Если бы он позволил жене зайти в «красную зону» и провести сканирование, то, возможно, девочка бы выжила! На одной чаше – жизнь пациента, на другой – риск потерять самого родного человека. Страшные веса! «Что бы ты выбрал, если бы все знал заранее, а, Клементьев?»

Он уперся в белый кафель обеими руками с такой силой, будто хотел опрокинуть стену. Вода из лейки душа мешала дышать и душила вместе с чувством вины. Что бы ты *выбрал*? Что выбрал? Его колотило как под напряжением в триста вольт. Кислород в легких закончился, и Олег вынырнул из-под струи. Вода рекой потекла по передней части тела. Кровь в сосудах тоже побежала вслед за водой... а обратно, наверх, не вернулась. Вдруг стало горячо. Не везде, только в одном месте: распирающее, нестерпимо. Нельзя было думать об Ане...

Это стресс, Олег! Помнишь четыре типа реакции? Драка на сегодня закончена, бежать, как обычно, некуда, прикинуться падалью – не наш метод. Остается... секс. Ну как – секс? До Ани еще далеко. И пусть так и будет. Пусть она там, в безопасности. Но в подростковом возрасте из ситуации же как-то выходили? Не вредно это, Олег, ты – врач, какие предрассудки? Надо просто снять напряжение... Дрожащая рука потянулась вдоль тела... Пульс на кончиках пальцев, пульс на кончике... К спине прижались две прохладные ладони.

Клементьев вздрогнул так, что чуть не поскользнулся на кафельном полу. Он был настолько не готов увидеть здесь Дашу, что у него даже не возникло порыва прикрыться. Челка с медно-рыжим отливом, россыпь аккуратных веснушек на носу... Светло-карие девичьи глаза загнипнотизированно уставились на то, что выражало суть мужского нетерпения. Легкие пальчики коснулись широких плеч и поплыли вниз по течению:

– Я помогу...

Она начала опускаться на колени, и ошалевший Олег едва успел поймать ее за руки. Он потянул ее наверх и хотел рывкнуть: «С ума совсем сошла?» Но Даша, расценившая этот жест по-своему, с пылкой силой прильнула к его губам, не дав заговорить. Чтобы достать до его роста, ей пришлось подняться на цыпочки, и гладкий девичий живот туго прижался к горячей части тела, которая категорически отказывалась подчиняться воле владельца. Ее руки оплели мужскую шею.

В аорте бухнуло кузнечным молотом, и Олега снова затрясло. Под кожей стало тесно, будто кровь в пережатом сосуде стремилась на выход и не находила его. Он сам не понял, как подхватил Дашу на руки. Она легко взлетела, опершись на его плечи, и обняла стройными ногами талию мужчины. Каменный жар ворвался в нее, и еще раз... еще... так яростно... так...

Даша беззвучно застонала, и медно-рыжая голова откинулась на двигавшийся за ней кафель. Уткнувшись носом в ложбинку у ее левого плеча, Олег почти не дышал, интуитивно чувствуя, что и девушка не может дышать тоже: так сильно он вдавливал ее спину в гладкую белую поверхность. Продолжаться дальше это не могло, и его напряжение взорвалось внутри Даши, как лопнувшая аневризма на сонной артерии. Ярко, как смерть... *Как жизнь*.

Дрожь ушла из его тела вместе с остатками сил. Объятия расплелись, Даша коснулась ногами пола и, пока его глаза были закрыты, исчезла из душевой. Что это было? Вот – что? Покачнувшись, Олег прислонился плечом к стене и вдруг снова ощутил на своей коже льющуюся на него сверху воду.

В их палате было темно, но Олег услышал, как Ерохин ворочается в кровати.

– Вась, – негромко позвал его Клементьев, приземляясь на свою постель. – Мы можем достать с «большой земли» посткоитальные контрацептивы?

Ерохин многозначительно помолчал.

– «Постинор»? – осторожно уточнил он. – А на фига тебе?

– Ну, если медицина за двадцать пять лет ничего лучше не придумала... наверное, «Постинор», – Олег чувствовал себя студентом-медиком, вернувшимся в общагу после первого загула. – И не мне, конечно, ты ж понимаешь.

Ерохин понял его даже слишком хорошо:

– Лушина? – сдавленно хохотнул он. – Анатолич, Люська, что ли?

– Нет, Вась, не Люська... Даша, – сонно пробормотал Олег, проваливаясь в царство Морфея, откуда звал его растворяющийся в дымке женский силуэт.

«Прости меня, Даша», – попросил он непонятно, у какой из девушек: живой или мертвой.

Полуденное июньское солнце грозило оставить ожог на носу Олега, он поморщился и открыл глаза. «11.30», – молча ответили ему часы на дисплее телефона. Что за черт? Смена давно началась! Олег отправил телефон обратно на тумбочку и заметил лежащий на ней блистер с двумя таблетками и записку почерком Ерохина: «Лучше „Постинора“. Не благодари. Дал тебе выспаться, чтоб с катушек совсем не съехал».

Клементьев старательно избегал Дашиных глаз весь остаток рабочей смены, а вечером, после планерки в «чистой зоне», попросил подождать его возле ординаторской. Когда он вышел, Даша стояла в углу коридора и задумчиво водила пальцем по листу фикуса, который рос из огромной кадки.

Олег приблизился, и ее ресницы вспорхнули.

– Даш, я вчера немного не в себе был, – заговорил он, ероша светлую шевелюру на затылке.

Даша запылала веснушчатым личиком. «Ты вчера во мне был...» – не смогла произнести она вслух.

– Так вот, я хотел сказать...

– Мне сегодня опять прийти? – перебила она почти шепотом.

Он смущенно закашлялся:

– Нет. Ни сегодня, ни завтра. Не надо, Даш. Не нужно нам продолжения.

«Говорите за себя, Олег Анатольевич!»

Она промолчала и отвела глаза, снова уставившись на лист фикуса. Не надо? А вчера ей казалось, что он умрет без нее. Как без кислорода.

– Если тебе неприятно меня видеть после вчерашнего, я попрошу Ерохина перевести тебя в другую бригаду.

Неприятно... Ей неприятно слышать сейчас то, что он говорит!

– Не надо, Олег Анатольевич. Я не хочу перевода.

Что? Что с ней не так? Почему мужчины не рассматривают ее как вариант «долго и счастливо»?

Олег кивнул и вдруг вспомнил:

– Да, насчет продолжения, которого не надо... – он достал из кармана блистер с таблетками и вложил упаковку в ее ладонь. – Это безопасный препарат. Ну, относительно... Я перерыл весь Интернет, читая про побочки. Нужно принять в течение суток после...

Он не сумел договорить и, еще раз кивнув, ушел прочь от нее по коридору. Даша тоскливо посмотрела ему вслед и машинально выдавила обе таблетки из блистера на ладонь. Не нужно ему продолжения... Таблетки жгли ее кожу: два белых колесика, которые показывали, что ничего ему от нее не нужно. Даша вдруг разозлилась: свою жену он бы, небось, этой гадостью пичкать не стал! Фу-у-у, не хочет она это глотать! Да и зачем? У нее сейчас «безопасные» дни цикла... ну «на грани»...

Когда она бегала на свидания с Семёном, календарный метод работал как часики. Презервативы Сёма не любил, а таблетки она еще не знала, какие покупать. Это уже потом, когда

поступила в медучилище, девчонки-однокурсницы просветили. А сначала она просто считала дни своего цикла – и ни разу не «залетела». Нет, контрацептивы ей сейчас ни к чему! Еще не хватало «поймать» тромбоз, как та, другая, Даша! Девушка сжала и разжала кулак, а потом медленно перевернула раскрытую ладонь. Таблетки упали в кадку с фикусом, и Лушина закопала их в землю указательным пальцем.

Редкий мужчина помнит, когда у его жены начинаются «критические дни», но Аня абсолютно точно знала, о чем ее муж спросит сегодня первым делом. Его утренний звонок начался со слов:

– Как ты сегодня, милая? Не очень болит?

Она улыбнулась от счастья постоянства:

– Терпимо, Олег. Завтра будет лучше.

Аня всегда плохо переносила начало месячных, и хотя после рождения двойняшек стало значительно легче, проблем из-за предменструального синдрома у нее не было только во время беременности. Разговор захотелось переключить на что-нибудь приятное, и в женском голосе внезапно появились хитро-шаловливые нотки:

– Олеч, а, может, нам вернуться к вопросу о третьем ребенке? Пока мы еще можем... Вдруг мальчик получится?

Не то чтобы вопрос стоял у них очень остро, но периодически речь об этом заходила. Пауза со стороны Олега немного затянулась.

– Малыш, да я хоть мальчику, хоть девочке был бы рад: какая разница? Но сейчас такое время... Страшно приводить детей в этот мир. Давай при встрече обсудим, ладно? Обнимаю тебя, – нежно закончил он.

Муж всегда окутывал ее теплой заботой, а в «эти дни» – особенно. Всегда, с самой юности.

1995 год

– Добрый день, Ольга Михайловна! Мы с Аней в кино собирались, но она не пришла и не звонит. Что случилось? – послышался из прихожей голос Олега.

Ольга Михайловна пригласила будущего зятя войти приглушенным голосом, боясь разбудить младшую дочь. Хотя... звонок в дверь, наверняка, уже сделал свое дело.

– Олег, кино отменяется. Аня плохо себя чувствует, – постаралась мама отделаться от посетителя стандартной фразой, но... разве можно говорить врачу, пусть даже – пока студенту, что кто-то плохо себя чувствует?

Другой, возможно, и удовольствовался бы столь простым объяснением, но у Олега тотчас проснулось желание помочь.

– Что с ней? Какие симптомы?

Наверное, его реакция – это то, что происходит уже «на автомате»: Аня почти увидела, как он привычным жестом закатывает рукава рубашки и собирается мыть руки. Из ванной раздался звук льющейся воды.

– Олег, не надо ее беспокоить! – Ольга Михайловна сделала последнюю попытку остановить парня. – Ничего страшного, ей просто нужно отдохнуть – и все.

– Она спит?

– Вероятно, уже нет, но...

Кажется, ее сон – единственное, что могло бы его удержать. Через минуту Аня увидела обеспокоенное лицо любимого.

– Привет, – прошептала она и поморщилась от собственного голоса: внутри головы будто разорвалась парочка снарядов.

– Привет, Малыш, – бодро поздоровался он, видимо, желая поднять боевой дух, и присел на край дивана, на котором, свернувшись калачиком под пледом, лежала девушка. – Где болит?

– Олег, я в порядке... – начала было Аня свою успокоительную речь, но его взгляд был непреклонен.

Рука, бродившая по ее телу в диагностических целях, случайно коснулась больного места.

– Пожалуйста, не трогай живот!

– Что ты ела? Фрукты? Арбуз? Яйца всмятку? – быстро перечислил он, заподозрив отравление.

Господи, ну как же объяснить ему? Нельзя же так прямо, в лоб: «Олег, у меня „критические дни“»? Аня слабо улыбнулась и опять поморщилась от новых спазмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.